

А. Норди

ГОРЕЧЬ

ВНУТРИ ОБИТАЕТ ТО,
ЧТО ЖАЖДЕТ УБИВАТЬ

18+

А. Норди Горечь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68518879

SelfPub; 2022

Аннотация

Мартин пытается прийти в себя после смерти девушки, но у него ничего не получается: находясь на грани нервного срыва, он попадает в реабилитационный центр «Юдоль», затерянный посреди лесной глуши вдали от цивилизации. В общине, управляемой загадочным отшельником Абсаломом и его суровым помощником, Мартин знакомится с другими пациентами. Вскоре он понимает, что обитатели «Юдоли» хранят зловещую тайну об истинной причине своего быстрого выздоровления...

А. Норди

Горечь

Мартин обвел взглядом собравшихся в беседке: лица, освещенные янтарным светом фонаря под потолком, застыли в полумраке. Трещали цикады, и вечерний воздух, еще теплый от зноя, благоухал скошенной травой.

Напротив сидел Абсалом – рослый старик с окладистой бородой и глубоко посаженными глазами. Он был основателем и главой «Юдоли», и обитатели общины беспрекословно ему подчинялись – Мартин понял это по тому, как быстро они сбежались на собрание в беседку.

Справа от Абсалома, широко расставив ноги, сверлил взглядом Мартина жилистый мужчина сорока лет, напоминавший уголовника: на его пальцах синели татуировки, а бугристый череп покрывали шрамы. Кажется, мужика звали Осмундом, и, как успел заметить Мартин, в общине ему отводилась роль надзирателя, выполнявшего указания Абсалома.

Остальными участниками собрания были две девушки и два парня приблизительно одного возраста с Мартином. Словно нахохлившиеся под дождем воробьи, они с безразличным видом сидели на лавке. Мартин не успел с ними познакомиться и не особо к этому стремился: он не раз встречал таких же погруженных в себя молодых людей на бесчис-

ленных сеансах групповой терапии, которые посещал за последний год.

Год бесплодных попыток завязать. И вот теперь – еще одна.

– Расскажи нам о себе, – попросил Абсалом.

Мартин, скрестив руки на груди, едва сдержал горькую ухмылку. Он так часто повторял свою историю врачам и психологам, что слова превратились в заученную роль.

– Я подсел на «смесь» пять лет назад. Тогда она еще была легальной. – Мартин взглянул на собравшихся, но только Абсалом и Осмунд внимательно его слушали. – Поначалу мне казалось, что я контролирую ситуацию. Курил пару раз в неделю, чтобы расслабиться после работы. Я вкалывал менеджером в одной конторе, и мозги просто кипели от постоянного стресса. Дурь помогала снять напряжение, и я заметить не успел, как полностью на нее подсел. Покурил – наступил приход, а затем охота еще. Я дул целый день: утром, на работе, после нее. Просыпался по ночам, чтобы подкуриться – иначе не мог уснуть. А потом пришло какое-то оупение, мне стало все безразлично. Я потерял работу, друзей, рассорился с родителями. В общем, все как у всех. Думал только о том, как достать дозу. Затем появилась постоянная боль: крутило суставы, мышцы, сердце. Так продолжалось долгое время...

Мартин затих, чтобы перевести дух. Он подбирался к самой неприятной части рассказа, которую всегда хотелось

проскочить как можно быстрее. Но Абсалом, словно угадав его намерения, с нажимом спросил:

– Что заставило тебя одуматься?

Мартин нервно сглотнул, заерзал на лавке:

– Однажды произошел переломный момент, и я понял, что пора завязывать. Вначале пытался справиться сам, но каждый раз срывался. Рассказал обо всем родителям. Начались бесконечные детоксикации, клиники, реабилитационные центры. Хватало на пару недель, иногда – на месяц. И снова срыв. А потом отец услышал про «Юдоль» и привез меня сюда.

Мартин вспомнил, каким долгим был путь. Община Абсаломы – бывшего врача-нарколога, ударившегося в религию – располагалась в лесной глуши на севере страны. Чтобы добраться до «Юдоли», они шесть часов ехали до Линнбурга, оттуда – еще пятьдесят километров по разбитому шоссе, окруженному заросшими полями и вымершими хуторами, а затем медленно продирались по грунтовке сквозь дремучий лес. Дорога закончилась у заброшенной фермы, где их ждал Абсалом. Отдав отцу телефон (таким было условие вступления в общину), Мартин коротко с ним попрощался и забрался в моторку Абсаломы. Лодка старика пересекла реку и остановилась на противоположном берегу, поросшем камышом. Абсалом не торопился: взобравшись на пригорок недалеко от берега, он спрятал прихваченные с собой канистры с бензином в схроне, выкопанном в земле, а затем повел Мартина

по тропинке сквозь густые заросли. Багряное солнце опускалось за деревья, когда перед ними выросли покосившиеся домишки заброшенного хутора, в котором бывший врач развернул общину для наркоманов в завязке.

– Теперь ты с нами, – улыбнулся Абсалом, не сводя с Мартина прищуренных глаз. – Добро пожаловать в «Юдоль». Наверняка ты уже слышан об успехах нашей общины, иначе не оказался бы здесь. Мартин, ты должен усвоить главное: результата невозможно добиться без постоянной работы над собой. Но если у тебя будут опускаться руки, знай, что мы всегда тебя поддержим. Я, староста Осмунд, твои братья и сестры.

Абсалом обвел широкой ладонью парней и девушек, сидевших напротив Мартина, и впервые за время встречи они задержали на нем взгляды. Наркоманы в завязке смотрели на него настороженно и подозрительно, и лишь в глазах худенькой брюнетки в джинсовой куртке Мартин уловил искорку интереса.

– Труд, молитвы и работа над собой – вот основа полного исцеления, – продолжал Абсалом. – Только так ты навсегда избавишься от зависимости.

Мартин заметил, как на губах брюнетки скользнула улыбка, а трое других наркоманов потупили взгляды, пряча ухмылки: слова старика их почему-то рассмешили.

Первая неделя в общине состояла из однообразных дел. Подъем в полседьмого утра, зарядка и завтрак, молитвы и медитация, работа в свинарнике или на пасеке, обед, групповая терапия, снова молитвы и медитация, благоустройство территории или сбор ягод с грибами, ужин, групповая терапия – и, наконец, сон. Изо дня в день – одно и то же. Все обитатели «Юдоли» покорно подчинялись правилам, царившим в общине.

Строгий распорядок, наставления Абсалома и отсутствие связи с бывшими кругом общения на некоторое время вселили в Мартина уверенность, что в этот раз он не сорвется и пройдет путь исцеления до конца, но в глубине души он знал, что его ремиссия была мнимой: третью ночь подряд он просыпался в холодном поту, не в силах вынести старый кошмар.

Так было и раньше: на какое-то время Алина оставляла Мартина, но затем вновь появлялась в его снах. Девушка тянула к нему иссохшие руки, моля о помощи сорванным голосом, но Мартин безразлично наблюдал за ней из темных лакун подсознания. А затем лицо Алины распухало синевой, по ногам струились зловонные ручейки, и шепот превращался в хрип.

Кошмар повторялся каждую ночь – иногда по несколько раз, дробя сон на эпизоды полузабытья, стирая границы с явью. «Смесь» становилась единственным способом обрести

покой: Мартин курил, лишь бы навсегда вытравить воспоминания об Алине.

* * *

В эту ночь она снова умирала на его глазах. Тяжело дыша, Мартин подскочил в постели. Тело взмокло от липкой испарины, руки мелко дрожали. В соседней комнате храпел Осмунд – Мартина поселили в дом старосты. Таким был порядок: каждый новоприбывший несколько недель оставался под постоянным надзором Осмунда, в том числе в ночное время. И лишь потом новичку разрешалось переехать в дом к старожилам – членам общины в стойкой завязке.

Мартин посидел в кровати, успокаивая дыхание, а затем опустил ноги на ледяные половицы. Холод отрезвил его, и Мартин понял, что ему нужно срочно выбраться на свежий воздух. Стараясь не шуметь, он оделся и, проскользнув мимо комнаты с храпящим Осмундом, выбрался на крыльцо.

На угольном небе мерцали звезды и бледнела луна. Наступил август, и ночи стали прохладнее. Мартин с наслаждением тянул носом воздух, наполненный запахами леса.

Хотелось курить – и если не «смесь», то хотя бы обычные сигареты, но, как и алкоголь, они находились под строжайшим запретом в общине. Мартин на минуту задумался о травах, произрастававших в селе, как вдруг заметил светло-синее пятно, мелькнувшее на крыльце дома напротив, – джинсо-

вая куртка!

За две недели, проведенные в «Юдоли», Мартин познакомился с ее обитателями. Нельзя сказать, что он стремился к общению с ними, но совсем нелюдимым оставаться он тоже не мог. Брюнетку в джинсовой куртке звали Яной, и она была единственным человеком кроме Абсалома, с кем Мартин разговаривал чаще всего – если можно назвать полноценной беседой дежурные фразы о погоде или обсуждение скудного меню. Пожалуй, их объединяла только зависимость: как и Мартин, Яна когда-то сидела на «смеси».

Спустившись с крыльца, девушка засемила в лес. Мартин, чуть помешкав, последовал за ней. Он старался не шуметь, но, придираясь по тропинке сквозь кустарники и ветки, привлек к себе внимание. Яна резко остановилась и обернулась: на бледном лице, обрамленном короткими черными волосами, темнели большие, словно олени, глаза.

– Что ты здесь делаешь? – испуганно спросила она.

– Дышу свежим воздухом. – Мартин скривился в ухмылке: а что еще он мог ответить?

Яна скользнула взглядом за спину Мартина, будто кого-то высматривая.

– Осмунд в доме? Ты его не разбудил?

– Спит как убитый. – Мартин сделал шаг ближе, но, заметив напряжение на лице девушки, остановился. – Слушай, темнить не буду, скажу прямо: мне нужна доза.

Глаза Яны, и без того огромные, распахнулись еще боль-

ше.

– Ты с ума сошел?! Если Абсалом или Осмунд узнают, что в общине кто-то употребляет, они такую взбучку устроят – мало не покажется!

Мартин оглянулся, опасаясь, что их могут услышать. Сквозь листву просматривались хуторские дома – осунувшиеся и одинокие под бледным светом луны. Где-то ухала сова. Из леса тянуло сыростью и прохладой. Кажется, все было спокойно, но Мартина не покидало муторное чувство тревоги, саднившее глубоко в груди.

– Яна, не строй из себя пай-девочку. – Он облизал пересохшие губы. – Думаешь, я не знаю, зачем ты потащилась в лес на ночь глядя? Делись – или я настучу на тебя Абсалому с Осмундом.

Лицо Яны нервно дернулось, и Мартин пожалел, что ему пришлось угрожать девушке, но другого выхода не было: он не протянет еще одной ночи без «смеси». Как-никак, он же конченный наркоман, поэтому к черту благородство и порядочность.

Яна обожгла Мартина взглядом и тихо сказала:

– Иди за мной.

* * *

Яна достала из куртки фонарик и зашагала по тропинке, рассекая лучом света затаившийся среди деревьев мрак.

Немного погодя она сошла с дорожки и углубилась в сосняк. Мартин последовал за девушкой, удивляясь тому, насколько уверенно она ориентировалась в ночном лесу. Вскоре он понял, что служило ей подсказкой: на деревьях, по которым скользил бледный луч фонаря, Мартин заметил едва различимые надрезы в виде крестов – путь Яны лежал вдоль помеченных сосен.

Мартину казалось, что они петляли по лесу целую вечность, хотя прошло наверняка не более часа. Наконец, деревья расступились, и перед взором открылась обширная котловина с крутыми склонами; ее покрывала жухлая трава, пробивавшаяся сквозь черную, словно обожженную землю. Нос защекотал легкий запах гари, поднимавшийся от грунта, и Мартин решил, что в этом месте когда-то случился пожар. Звуки ночного леса – стрекот сверчков, шум листвы, уханье сов – исчезли, словно огромная воронка всосала их в себя.

Яна осторожно спустилась по склону, и Мартин заметил, куда она спешила: посреди впадины, залитой лунным светом, сутулился долговязый человек в мешковатой куртке.

Мартин последовал за девушкой, стараясь не нагнуть голову на кочковатой земле, испещренной трещинами. Подойдя ближе к темной фигуре, он рассмотрел всклокоченные волосы и изможденное лицо с заостренными чертами – это был Дэн, старожил общины. Мартин его избегал: Дэн когда-то сидел на «пыли», и дурь, спалив парню мозги, сделала его дерганым и раздражительным.

Рядом с Дэном на земле распластались двое – патлатый рыжий доходяга, напоминавший бомжа с вокзала, и тощая блондинка, похожая на растрепанную куклу Барби в терминальной стадии СПИДа. Мартин узнал в них обитателей общины: Арнольд и Лика – метамфетаминщики со стажем. Раскинув руки, стеклянными взглядами они таращились в звездное небо, словно бескрайний космос открывал им все секреты мироздания.

Завидев Яну с Мартином, Дэн тут же напрягся.

– Ты кого привела? – занервничал он. – Совсем с ума сошла? Он же новенький!

– Тише, не ори. – Яна дотронулась до плеча Дэна, успокаивая его. – Он сам увязался. Пришлось взять его с собой.

– А если он нас заложит? – Оскалившись, Дэн сделал шаг к Мартину, будто разгоряченный водкой отморозок, готовый развязать драку. – Мы не можем ему доверять!

Мартин замер на месте, не сводя глаз с перекошенного лица Дэна.

– Успокойся, стучать не буду, – огрызнулся Мартин. – Мне просто нужна доза.

Дэн переглянулся с Яной. Девушка развела руками:

– Он здесь уже вторую неделю, и я не заметила, чтобы он лизал задницы Абсалому или Осмунду.

Дэн пожал плечами, словно такого довода было достаточно, и, смерив Мартина взглядом, ухмыльнулся:

– Доза, говоришь, нужна? «Смеси» и другой попсоной ду-

ри у нас нет, но зато найдется кое-что другое.

Дэн кивнул в сторону распластанных Арнольда и Лики. Только сейчас Мартин заметил, что наркоманы валялись возле узкой расщелины в земле. Провал, казалось, уходил в бесконечность – настолько непроглядной была сгустившаяся внутри чернота.

– Засунь туда руку, дотронься до горечи, – пояснила Яна. – А затем положи ее под язык.

Мартин удивленно посмотрел на девушку, ожидая объяснений, но их не последовало: Яна, сложив на груди руки, с интересом за ним наблюдала, словно мысленно делала ставки – слабо ему или нет?

– Дотронуться до горечи? – уточнил Мартин. Он не хотел, чтобы Яна считала его трусом, хотя прекрасно понимал, что смельчаком он никогда не был.

– Меньше болтай. – Дэн подтолкнул его к расщелине. – Пробуй, если не зассал. Потом расскажешь, понравилось или нет.

Мартин опустился на колени у провала в земле. Из черноты несло гарью, и он поморщился. Рядом лежали Арнольд и Лика, их затуманенные взоры по-прежнему впивались в небосвод, а на лицах кривились блаженные улыбки.

Закатав рукав рубашки, Мартин просунул руку в расщелину.

– Если это дурацкая шутка, я тебе кости переломаяю, – на всякий случай пригрозил он Дэну.

– Глубже суй, – словно не услышав его слов, скомандовал Дэн. – И жди.

Мартин протолкнул руку по самое плечо, ощущая твердый шершавый грунт. Вдруг провал расширился – ладонь провалилась в пустое пространство.

И нечто чуждое – холодное, мягкое, влажное – коснулось пальцев.

Резко выдернув руку из ямы, Мартин подскочил на месте. Должно быть, вид у него был настолько ошарашенный, что Дэн и Яна прыснули от смеха, но Мартину было плевать на их реакцию: в глубине провала нечто *живое* дотронулось до него, оставило след на коже. Сердце бешено колотилось, и в тусклом лунном свете Мартин пытался рассмотреть, что за дрянь прилипла к его руке.

– В первый раз все пугаются, – успокоила Яна. – Теперь пробуй.

Девушка посветила фонариком Мартину на ладонь, и он увидел пальцы, покрытые черной, как смоль, слизью.

– Что это?

– Горечь. – Дэн приблизился к Мартину и впервые ему улыбнулся. – Не бойся, дружище. Положи ее под язык.

Мартин хотел послать наркомана куда подальше, но поймал взгляд Яны: она ободряюще улыбнулась, словно давая понять, что ничего страшного не случится. Он уже и забыл, когда в последний раз на него так смотрели – с надеждой и поддержкой. Мартин сглотнул вязкую слюну, облизнул пе-

ресохшие губы и поднес руку, перемазанную слизью, ко рту. Секунду помедлил – и засунул указательный палец под язык.

Рот обожгло горьким. Мартин поморщился, ощущая, как прогорклая субстанция растворяется на слизистой. Ноги вдруг подкосились. Мартин повалился на опаленную землю, и черный космос распахнул объятия.

Горечь растекалась по сосудам и мышцам, тканям и органам. Она растворяла в себе боль, страхи, отчаяние – и наполняла образовавшуюся пустоту восторгом и умиротворением. Где-то на краю сознания в пульсирующей звездным светом тьме мелькнул образ Алины, но тут же погас в неукротимой волне радости, блаженства и покоя.

Впервые за много лет Мартин чувствовал себя по-настоящему спокойным и счастливым.

* * *

Он проснулся от жужжания мух. Мартин поднялся в постели и осмотрелся: его комнату, расположенную в домике старосты Осмунда, заливал яркий утренний свет из окна. Тело казалось невесомым, голова – необычайно ясной: Мартин уже забыл, каким упорядоченным и тихим может быть течение мыслей. Неподъемный камень из вины, сомнений и саморазрушения, который каждый день давил на грудь, наконец-то исчез.

Мартин не помнил, как вернулся в общину. Может быть,

ночное приключение ему просто приснилось?

В комнату вошел Осмунд – гладко выбритый, с полотенцем на голых татуированных плечах. Нахмутив брови, он строго скомандовал:

– Подъем. Опаздываешь на завтрак.

Таким и было их общение все это время: Осмунд отдавал приказы, а Мартин покорно подчинялся, не желая навлечь гнев бывшего уголовника.

Мартин натянул одежду и выбрался на улицу. На стене дома, в котором члены общины собирались для совместных трапез, висели рукомойники. У одного из них умывался обнаженный по пояс Дэн, рядом чистила зубы Яна. Лица составляла тарелки на столе под навесом. Завидев Мартина, они втроем хитро улыбнулись, но тут же спрятали ухмылки, как только рядом нарисовался Абсалом с большой кастрюлей. Из нее валил густой пар, распространяя аппетитный запах овсяной каши с орехами и медом. Мартин наконец-то вспомнил, какого это – чувствовать голод: в животе приятно забурило, а рот наполнился слюной.

– Как я оказался у себя в домике? – тихо спросил Мартин.

Прополоскав рот, Яна сплюнула в таз.

– Ты дошел вместе с нами. После «горечи» из памяти вышибает несколько часов.

– Поэтому ее нельзя употреблять всем вместе, – шепотом пояснил Дэн, опасливо косясь на Абсалома, который помогал Лике сервировать стол. – Всегда рядом должен быть тот,

кто поможет выйти из леса и вернуться обратно в общину.

– Мы ходим за «горечью» один раз в неделю – чаще нельзя, иначе Абсалом или Осмунд могут нас засечь, – добавила Яна.

Мартин набрал в ладони ледяной воды из рукомойника и плеснул в лицо, наслаждаясь бодрящим покалыванием на коже, словно ее рецепторы тоже обновились после «горечи».

– Что это за хрень в той расщелине? – спросил он, выдавливая зубную пасту на щетку.

– Никто не знает. – Дэн вытер полотенцем лицо. – Когда я впервые оказался в общине, один торчок по имени Стиг рассказал мне о котловине и спрятанной там «горечи». Стиг узнал о ней от другого наркомана, проживавшего в общине. Секрет о существовании «горечи» годами передавался по цепочке с тех пор, как Абсалом открыл «Юдоль».

– И где теперь все эти наркоманы? – Мартин орудовал зубной щеткой во рту, и его слова прозвучали невнятно.

– Исцелены. – Яна улыбнулась. – А ты думал, в общине столько завязавших благодаря молитвам и медитациям с Абсаломом?

Мартин прыснул от смеха, разбрызгивая пену изо рта, но тут же опасливо зыркнул в сторону стола: старик накладывал кашу по тарелкам и, кажется, совсем не обращал внимания на заговорщиков возле рукомойников.

– С каждым разом необходимость в приеме «горечи» уменьшается, – тихо пояснил Дэн. – А затем наступает мо-

мент, когда тебе совершенно ничего не нужно, кроме самых простых вещей – воздуха, еды и сна. Ты освобождаешься от всего.

– По тебе так не скажешь, – ухмыльнулся Мартин.

– Потому что я еще не прошел путь до конца! – огрызнулся Дэн. – Но уже близок к этому. Стиг ходил к котловине целый год, и только потом его отпустило. Он уехал из общины перед твоим появлением.

– А сколько ходишь ты? – Мартин взглянул на Яну.

– Пятый месяц. Дэн показал расщелину в апреле.

– А мне вместе со Стигом приходилось зимой откапывать ее из-под снега. – Дэн натянул футболку и пригладил растрепанные волосы. – Арнольд и Лика сидят на «горечи» с июня, а тебя мы собирались привлечь попозже – хотели убедиться, что ты не будешь стучать.

Мартин скривился, но постарался не выдать обиды. Ему стало неприятно, что даже среди наркоманов его не принимали за своего.

– Почему вы не расскажите Абсалому про «горечь»? – спросил Мартин.

Дэн с удивлением вылупился на Мартина, будто тот был умственно отсталым, но ответить не успел: с диким криком из домика вывалился Арнольд и грохнулся возле стола. Следом выскочил разъяренный Осмунд и, подлетев к доходяге, пнул его ногой под дых.

Держась за живот, Арнольд постанывал на земле и от-

плевывал сгустки крови из разбитого рта – похоже, Осмунд успел залепить ему по лицу еще в домике. Мартин, растерявшись, обвел взглядом новых знакомых: Дэн с Яной остолбенели в замешательстве, Лика испуганно спрятала лицо за ладонями. И только Абсалом спокойно взирал на случившееся. Отложив тарелку с кашей, он подошел к Осмунду, со свирепым видом застывшему над скрюченным на земле Арнольдом.

– Что случилось, сын мой? – старик вскинул кустистые брови.

– Этот гаденыш прятал сигареты! – выкрикнул Осмунд, сжимая кулаки: капли слюны брызнули из перекошенного рта. – Я нашел пачку у него под подушкой!

Услышав слова старосты, Дэн покачал головой и едва слышно прошептал Мартину и Яне:

– Вот дурак. Я сто раз говорил Арнольду выкинуть сигареты.

Абсалом встал на одно колено возле стонавшего на земле Арнольда и, заглянув ему в разбитое лицо, мягко поинтересовался:

– Это правда, Арнольд? Ты втайне от меня курил?

Парень что-то промычал в ответ, но его признание мало интересовало Абсалома. Старик выпрямился и коротко бросил Осмунду:

– Десять ударов ремнем. – Абсалом перевел взгляд на Мартина и его друзей. – Дети мои, запомните: каждый про-

ступок требует наказания. Вечером на собрании мы обсудим поведение Арнольда.

Абсалом удалился к столу, а Осмунд, довольно ухмыльнувшись, вытянул ремень из джинсов. Ногой перевернув Арнольда на живот, староста задрал ему футболку, оголяя костлявую бледную спину. Затем выпрямился и, размахнувшись, со всей дури ударил Арнольда ремнем. Парень закричал от боли, когда кожаный ремень со свистом впился в его спину. Он продолжал орать, пока Осмунд с остервенелым видом хлестал его ремнем.

Мартина замутило, к горлу подкатил ком, а в груди проклюнулось зернышко знакомой тревоги – пока еще подспудной, робкой. Но Мартин знал, что стоит дать ей волю, и дисфория распустится черным цветком. Он отвернулся, не в силах наблюдать за экзекуцией, и встретился взглядом с Дэном, который застыл с перекошенным от страха лицом.

Десятый удар рассек спину Арнольда: наказание закончилось. Заправив ремень в джинсы, Осмунд с кривой ухмылкой взглянул на своих подопечных. «Кто следующий?» – читалось в его глазах.

– Приступим к трапезе, – спокойно сказал Абсалом, жестом приглашая всех к столу.

Покорно кивнув, Дэн и Яна отправились вслед за Осмундом к столу, где их уже ждали невозмутимый Абсалом и до смерти перепуганная Лика.

Немного поколебавшись, Мартин помог Арнольду под-

няться с земли. Постанывая от боли, несчастный доходяга опустил на спине футболку и проковылял к столу. Мартин с неловким видом присоединился к остальным.

Обитатели общины взялись за руки, склонив головы над тарелками с кашей. Абсалом забубнил молитву, и его подопечные послушно подхватили слова, на смысл которых всем, кроме Осмунда, было плевать.

Повторяя заученную молитву, Мартин понял, почему его новые друзья беспрекословно выполняли жесткие требования Абсалома и строго придерживались царившим в «Юдоли» порядкам: Дэн, Яна, Арнольд и Лика тянули время, чтобы как можно дольше иметь доступ к «горечи» – загадочному веществу, которое дарило *настоящее* исцеление.

* * *

После завтрака и медитации Абсалом распределил работы. Мартину снова выпало выгребать дерьмо из свинарника вместе с Яной. Грязная работа, казалось, совсем не смущала девушку, и она споро орудовала лопатой, то и дело отгоняя толкавшихся свиней. В хлеву было жарко, и в воздухе кружились золотистые пылинки.

– Теперь я понимаю, почему вы не рассказали Абсалому про «горечь», – сказал Мартин, сгребая лопатой нечистоты.

– Старик считает, что наркоманы излечиваются благодаря молитвам и прилежанию. – Яна сбросила дерьмо в тележ-

ку и ухмыльнулась. – Он не терпит другие методы, а сигареты и алкоголь вызывают у него ярость: ты сам видел, как досталось бедняге Арнольду. Если Абсалом узнает, что мы избавились от зависимости с помощью другого вещества, то уничтожит расщелину в земле, а вместе с ней и «горечь». И прощай наше исцеление.

– А Осмунд? Он в курсе про «горечь»?

– Осмунд – правая рука Абсалома. Мы мало про него знаем, но бывшие «юдольщики» рассказывали, что он сидел на героине. Настоящий псих. Говорят, Абсалом вытащил его с того света после передоза. С тех пор Осмунд предан ему, как собака. – Яна выглянула наружу и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, тихо продолжила: – Конечно же он не в курсе про «горечь», иначе мне даже страшно представить, что он с нами сделает, если узнает про ее существование.

– Со мной он общается, как будто я его шестерка в тюрьме, – припомнил Мартин и, чуть подумав, спросил: – Как думаешь, что находится в расщелине?

Яна помрачнела. Отложив лопату, она тихо сказала:

– Там что-то живое. Не знаю, что именно, но каждый раз оно касается меня по-разному. Осторожно, робко – словно пробует на вкус. Мы светили в расщелину фонариком, но ничего не увидели.

Мартин вспомнил черную слизь на пальцах. И вместо отращения, которое он наверняка бы почувствовал в любом другом случае, его захлестнула волна воспоминаний: умиро-

творение, спокойствие, радость – вот те давно забытые чувства, которые он испытал ночью, когда *нечто* из недр земли дотронулось до его ладони.

– Я училась на биофаке до того, как сторчалась, – продолжала Яна. – Биолог из меня как из свиньи человек, но я помню, что в природе есть организмы, вырабатывающие психоактивные субстанции. Грибы, например. Или некоторые жабы.

– А откуда взялась сама котловина? Выглядит она будто после пожара.

– Мы не знаем. – Яна пожала плечами. – Арнольд говорит, что впадина похожа на след от удара метеорита – поэтому вся земля опалена и в трещинах, словно когда-то в нее что-то врезалось. А может, это какая-нибудь геопатогенная зона, где чахнет все живое. Однажды я по накурке смотрела про них передачу по телеку, там чего только не рассказывали.

Мартин хмыкнул:

– В общем, все понятно: в кратере от метеорита сидит галлюциногенная жаба и лечит нас от зависимости.

Яна звонко рассмеялась, и Мартин расплылся в улыбке, довольный тем, что еще не потерял способность развеселить симпатичную девушку. Он подошел ближе и только сейчас заметил бледные веснушки на ее переносице. Они странным образом контрастировали со смоляными волосами Яны, придавая теплоту отрешенному образу наркоманки. Мартин наклонился и поцеловал ее в губы – теплые, бархатистые

и желанные. В нем вспыхнул робкий огонек вожделения, и впервые после смерти Алины он захотел прикоснуться к женщине.

Яна ответила на поцелуй, но спустя мгновение, показавшееся Мартину вечностью, отстранилась и с улыбкой сказала:

– В свинарнике ко мне еще никто не подкатывал.

Мартин прыснул от смеха, но тут же осекся, как только Яна переменилась в лице. Увидев кого-то за спиной Мартина, она схватила лопату и с нарочитой серьезностью принялась вычищать загон.

Мартин оглянулся: на улице стоял Осмунд и наблюдал за ними. Поймав взгляд Мартина, он криво ухмыльнулся и погрозил пальцем.

* * *

Спустя два дня, проведенных в притворных молитвах и групповых занятиях, на которых обитатели «Юдоли» прикидывались послушными воспитанниками Абсалома, Мартин вдруг с ужасом понял, что волшебное действие «горечи» подходит к концу.

Утром он проснулся с тяжелой головой и дурным настроением. В груди зарождалось знакомое чувство тревоги – пока еще подспудное, робкое, зыбкое. Но Мартин научился распознавать оттенки эмоций. Он знал, что вскоре дисфория

распустится черным цветком: его ждала очередная встреча с Алиной – еще одна кошмарная ночь, которую он навряд ли переживет. Но почему он должен мучиться, когда есть спасение?

Мартин помнил слова Яны: наркоманы ходили за «горечью» раз в неделю в строгой конспирации. Но это означало, что ему пришлось бы терпеть еще пять ночей, проведенных вместе с Алиной, с ее укоризненным взором и сорванным голосом, хрипящим в предсмертной агонии.

Мартин решил действовать этой же ночью. Дождавшись, когда уснет Осмунд (из соседней комнаты доносился храп), Мартин оделся и бесшумно выскользнул из домика. Пересек двор и скрылся в густых зарослях, напитанных тьмой и прохладой. Он подсвечивал дорогу фонариком, выискивая лучом отметины на деревьях, которые вели к сокрытой в глубине леса тайной котловине. Вокруг тревожно шептала листва, словно предупреждая о грозящей беде, и равнодушно светила на черном небе луна: ей было все равно, что случится с Марином.

Спустя час блужданий по сосновому бору он выбрался к впадине. Залитая серебряным светом луны, она напоминала безжизненный кратер. Мартин сбежал по склону к центру котловины, где чернела в земле расщелина – пристанище спасительной «горечи». Он опустился на колени и, немного помешкав, просунул руку в провал, откуда знакомо пахло гарью. Мартин терпеливо ждал, и спустя некоторое время

нечто влажное и липкое коснулось его ладони.

– Так вот, куда вы ходите! – прохрипел голос сзади.

Вздвогнув от испуга, Мартин вытащил руку из расщелины и обернулся. Перед ним стоял Осмунд. Оскалившись, староста буравил взглядом Мартина и сжимал кулаки.

– Что вы там прячете? – прорычал Осмунд. – Наркоту?

– Осмунд, послушай... – начал Мартин, убирая за спину ладонь, измазанную «горечью».

– Покажи руку! – перебил его уголовник.

Мартин в замешательстве попятился. Что ему делать? Если Осмунд обнаружит слизь на его ладони, то он догадается, откуда она взялась – он наверняка видел, как Мартин просовывал руку в провал. Осмунд расскажет об этом Абсалому, тот уничтожит расщелину с «горечью», и тогда о спасительном исцелении можно забыть!

Воспользовавшись растерянностью Мартина, Осмунд кинулся вперед, намереваясь схватить его за руку. Мартин увернулся и что есть силы врезал фонариком по голому черепу старосты. Что-то хрустнуло, и Осмунд, охнув от неожиданности, неловко пошатнулся. Он повалился на землю, и его голова запрокинулась в расщелину.

Пытаясь успокоить дыхание, Мартин посветил фонариком на Осмунда. Староста обездвижено распластался на земле, и было непонятно – он без сознания или мертв? Мартина затрясло, горло сдавило от ужаса. В голове не укладывалось: разве мог он, тощий наркоман, так просто убить здорового

бугая ударом фонарика?

Из виска Осмунда пульсирующими волнами струилась кровь – темная, лаковая – и стекала в расщелину. Мартин не знал, сколько прошло времени – может быть пара минут, а может – вечность.

Вдруг из провала в земле медленно, будто разведывая обстановку, выскользнуло нечто длинное, гибкое, покрытое блестящей черной слизью. Существо, напоминавшее огромную вытянутую пиявку, присосалось к ране на виске Осмунда. Будто пробуя старосту на вкус, тварь помедлила, а затем с жадным чваканьем засосала кровь, вздуваясь и сжимаясь в быстрых спазмах.

Мартин проглотил крик, застрявший в глотке. Осмунд застонал, пошевелился, но подняться не смог. Затуманенным взором он смотрел на Мартина, словно моля о помощи. Но Мартин оцепенел, с ужасом наблюдая, как неведомая тварь мощными глотками высасывает кровь из виска Осмунда. Насытившись, с влажным чмоканьем она отлепилась от кожи, а затем резким движением вонзилась в раскрытый рот Осмунда и, быстро извиваясь, заскользила глубже в горло, оставляя ореол из черной слизи на губах старосты.

Мартин закричал и бросился прочь от кошмарного зрелища. Выкарабкавшись из котловины, он помчался по лесу, то и дело оступаясь на кочках и спотыкаясь о коряги. Но вскоре заросли расступились, земля ушла из-под ног, и Мартин кубарем повалился в овраг.

Он лежал на стылой земле, жадно хватая холодный воздух и пытаясь отдышаться. Увиденное не укладывалось в голове: в яме обитало существо, покрытое слизью – той самой «горечью», что исцеляла обитателей общины. Но куда страшнее было другое: тварь высосала кровь из Осмунда, проникла в его тело и, скорее всего, убила. А Мартин ему не помог: как и Алина, Осмунд умирал на его глазах...

Мартин забился под массивную корягу, торчавшую из земли, и обхватил себя руками. На пальцах налипли склизкие сгустки «горечи», и Мартин, не долгое думая, мазнул ими под языком.

Спустя мгновения он растворился в потоках покоя и неги.

* * *

Мартин проснулся: утреннее солнце слепило глаза, в ушах стоял птичий гвалт. Овраг затянуло влажной дымкой, и одежда насквозь промокла от росы.

Он выбрался из ложбины и, трясаясь от озноба, побрел по тропинке среди сосен. На душе было легко и спокойно, и Мартин решил, что ночные события оказались очередным кошмаром. Его ждала взбучка от Абсалома за нарушение режима, но она представлялась сущей ерундой по сравнению с тем, что привиделось ночью.

Но что, если существо из ямы и смерть Осмунда не были плодом его воображения? Холодок пробежал по спине, но

Мартин отогнал дурные мысли.

Тропа вывела его к опушке леса, за которой раскинулись домики общины. Скорее всего, наступило время совместной медитации, а это означало, что Абсалом и его подопечные собрались в беседке. Туда и направился Мартин. Скрываться не было смысла, в любом случае его ждет наказание, и чем скорее он прикинется нашкодившим щенком, тем лучше.

К удивлению Мартина, в беседке обнаружилась только Яна. Девушка подметала пол и, заметив Мартина, взволнованно спросила:

– Где ты был? Мы обыскали вас с Осмундом!

Дыхание перехватило, и Мартин присел на лавку.

– Абсалом с утра поднял тревогу, когда не нашел вас в домике, – продолжила Яна. – Вместе с Дэном он отправился в лес на ваши поиски. Мартин, что случилось? И где Осмунд?

Он не знал, что ответить. Где-то глубоко внутри шевелились страх и тревога, но действие «горечи» их заглушило: все чувства словно лишились окраски и стали нейтральными, превратились в далекие отголоски душевных волнений.

– Понятия не имею, – пробормотал Мартин. – Пойду в домик.

Яна нахмурилась, провожая его взглядом, но Мартину было все равно. «Горечь» дарила спокойствие, убаюкивала сомнения и совесть. В конце концов, Осмунд сам виноват, что потащился за ним к котловине. Не надо было кидаться на него! Уголовник получил по заслугам, и теперь его труп

остывал возле расщелины в земле, откуда выползла неведомая тварь. Мартин – такой же человек, как и все: он имел право на трусость и малодушие. Кто бы на его месте не испугался чудовища, присосавшегося к виску Осмунда?

Размышляя об этом на пути к домику, Мартин горько ухмыльнулся: точно такими же словами он успокаивал себя, когда погибла Алина.

Зайдя внутрь, Мартин направился в свою комнату. Под ногами привычно скрипели рассохшиеся половицы, но к знакомому звуку прибавился еще один – липкое чавканье. Мартин опустил взгляд и увидел, что его кроссовки шлепают по лаково-красной лужице, растекшейся на полу. Это была кровь, и Мартин почувствовал резкий железистый запах, поднимавшийся от нее.

Лужа вытекала из комнаты, в которой жил Осмунд. Распахнутая дверь приглашала заглянуть внутрь, но Мартин застыл как вкопанный: пот струйками побежал по спине, руки задрожали и во рту пересохло. Он хотел бросить все к чертям собачьим и удрать из домика, но переборол себя: хватит на сегодня трусливых поступков.

Может быть, раненому Осмунду удалось добраться до общины, и теперь ему требовалась помощь? Вот он, шанс на искупление: Мартин кинул Осмунда в лесу, но сейчас мог ему помочь. Как бы строго ни относился староста к Мартину, но оставить его без помощи во второй раз стало бы непростительной ошибкой.

На трясущихся ногах Мартин медленно подошел ко входу в комнату и заглянул внутрь. От увиденного перехватило дыхание, внутренности сжались в ледяной комок.

Посреди комнаты в огромной луже крови лежал Арнольд – Мартин узнал его по рыжей шевелюре, испачканной алыми мазками. Рубашка парня была разорвана, и на бледной худосочной груди зияли крупные раны с неровными краями, словно нанесенные с бешеным остервенением. К одной из таких ран, расположенной в области сердца, черным шлангом присосалась тварь из расщелины. Изгибаясь и пульсируя, она торчала изо рта Осмунда, который на четвереньках склонился над распластанным Арнольдом. Староста общины, казалось, находился в полной власти существа: глаза его закатились – виднелись только белки; расставленные над Арнольдом жилистые руки, испачканные в грязи, мелко дрожали, а выгнутая спина сотрясалась от спазмов. Тварь, свисавшая из его рта, с чудовищным причмокиванием выкачивала кровь из раны на груди Арнольда. Гибкое, покрытое черной слизью существо напоминало гигантскую пуповину, соединившую два организма – Осмунда и Арнольда.

Мартин выскочил из дома. Он бежал, не разбирая дороги, сбивая ведра, корыта и прочую утварь, раскиданную по двору, – бежал куда угодно, лишь бы оказаться подальше от кошмарного зрелища, свидетелем которого он стал.

Вскоре он оказался на околице. Легкие жгло от быстрого бега, руки тряслись. Мартин остановился, чтобы перевести

дух и проверить, нет ли за ним погони. Он обернулся к дому Осмунда. Территория общины пустовала: не было ни души, и только ветер шумел в березах, окружавших хутор. Там остались Яна и Лика – девушкам наверняка угрожала опасность, ведь неизвестно, что было на уме у твари, проникшей в Осмунда. Наверное, стоило их предупредить или броситься на помощь, если они оказались в беде, но Мартин не мог пошевелиться: вместо крови в его жилах текло малодушие, и даже «горечь» не могла его выжечь.

– Вот он где, наш беглец! – прогремел грозный бас сзади.

Мартин от испуга подскочил на месте и повернулся в сторону звука. Из леса к общине бодрым шагом приближались Абсалом и Дэн. Наркоман недобро сощурился при виде Мартина, словно давая знак: не болтай лишнего. Абсалом собирался сказать что-то еще, но, заметив испуганный взгляд Мартина, переменился в лице. Он нахмурился и строго спросил:

– Что случилось?

– Арнольд... – только и смог выдохнуть Мартин, кивнув в сторону домика Осмунда. – Он мертв.

Абсалом грязно выругался под нос, и это были первые бранные слова, вылетевшие из его уст за время пребывания Мартина в общине. Старик быстро зашагал к дому Осмунда, на ходу прорычав:

– За мной!

Мартин и Дэн поспешили за Абсаломом. Чуть сбавив шаг

и немного отстав, чтобы старик их не слышал, Мартин, ошарашенный от растерянности, спросил у Дэна первое, что пришло на ум:

– Где вы были?

– Тебя искали, кретин! И Осмунда, – прошипел наркоман. – Еле уговорил старика вернуться обратно, пока он не набрел на котловину.

Абсалом взлетел по ступенькам крыльца и зашел в дом – дверь была распахнута. Мартин хотел было предупредить об опасности, но на него навалилось странное равнодушие. Что бы ни случилось с Абсаломом или Дэном – это теперь не его вина. Должно быть, сказывалось действие «горечи»: черная субстанция поглощала все негативные эмоции словно нефть, разлитая на поверхности беспокойного моря. Иногда страх и чувство вины прорывались наружу, но тут же исчезали в вязком омуте спокойствия и безразличия. В этом мутном болоте тонули образы Алины и Яны – одну из них Мартин спасти уже не мог, судьба же второй волновала все меньше.

– Господи, что здесь произошло? – донесся из комнаты надломленный голос Абсалома.

Никто не вопил от ужаса и не бежал прочь, а это означало, что опасность миновала или, по крайней мере, не представляла прежней угрозы. Мартин, чуть помешкав, заглянул в комнату вслед за Дэном.

Абсалом стоял возле распластанного трупа Арнольда. Его смерть не вызывала сомнений: наркоман, выпучив застыв-

шие глаза, лежал бездыханно в огромной луже крови. Худосочный торс покрывали рваные раны, и самая большая из них зияла развороченными краями в области сердца. На лице Арнольда застыла гримаса ужаса и удивления, будто он совсем не ожидал нападения Осмунда – человека, с которым прожил в общине несколько месяцев.

– Что здесь произошло? – глухо спросил Абсалом, переводя взгляд с трупа на Мартина. – И где Осмунд?

– В другой комнате его нет, – сообщил Дэн, снова показавшись в дверном проеме: должно быть, он успел осмотреть домик.

Мартин сглотнул вязкую слюну, не зная, что ответить. Рассказать правду означало признаться в собственной трусости: он бросил в беде Осмунда и Арнольда, хотя мог их спасти.

– Лика! – донесся с улицы звонкий голос Яны, и у Мартина отлегло от сердца: она была жива. Несмотря на анестезирующее действие «горечи», в глубине души он все равно переживал за девушку.

– Лика, ты где?! – вновь прокричала Яна.

Мартин вслед за Абсаломом и Дэном вывалился на улицу. Яна стояла возле крыльца, намереваясь подняться ко входу в дом.

– Нигде не могу найти Ликю. – Она помрачнела, заметив испуг на лицах мужчин. – Что-то случилось?

– Надеюсь, что нет, – бросил Абсалом, сбегая по ступень-

кам. – Ты везде смотрела?

– В нашем доме ее не было, и я подумала, что она осталась в доме Осмунда и Мартина.

– Там ее нет, – обронил Дэн. Его голос дрожал от волнения, а бледное лицо выражало растерянность и страх.

Абсалом остановился посреди двора и, обведя подопечных встревоженным взглядом, строго скомандовал:

– Слушайте меня внимательно! Никто не расходится, держимся друг друга. Задача номер один – найти Лику. – Он посмотрел на Яну и спросил: – Свинарник проверяла?

Девушка отрицательно покачала головой, после чего Абсалом ринулся к постройке на краю поселка. Все остальные бросились следом за ним.

Яна шла между Мартином и Дэном, едва за ними поспевая. Она спросила тихим взволнованным голосом:

– Что происходит? Почему такой переполох?

– Арнольд мертв, – сказал будто сплюнул Дэн. – Кто-то проделал в нем столько дыр, что из него вся кровь вытекла. Я такой жести никогда не видел.

Новость шокировала Яну: она испуганно охнула, а ее большие глаза, казалось, увеличились в два раза. Она собиралась спросить что-то еще, но ее перебил возглас Абсалома:

– Вот она!

Старик кричал из свинарника, где скрылся пару секунд назад, и Мартин с друзьями поспешил за ним.

На полу, прислонившись спиной к загону для свиней и

вытянув ноги, сидела Лика – все такая же изможденная и осунувшаяся, какой привык ее видеть Мартин за две недели пребывания в «Юдоли». Глаза девушки были закрыты, словно она спала; рядом валялось опрокинутое ведро с подгнившими овощами, которыми обитатели общины кормили свиней. Абсалом схватил девушку за плечо и потряс.

– Лика! – позвал он, а затем, не дождавшись ответа, легонько постучал ладонью по ее щеке. – Похоже, она без сознания.

Мартин, Яна и Дэн сгрудились рядом, наблюдая за тем, как Абсалом приводил наркоманку в чувства. Он похлопывал ее по щекам и тряс за руки. Лика застонала, приходя в себя. Открыв глаза, она с недоумением уставилась на собравшихся.

– Где я? – промямлила Лика.

– Ты в свинарнике. – Абсалом помог ей подняться. – Что случилось?

Лика пошатывалась: тонкие как спички ноги едва удерживали вес тщедушного тела. Мартин протянул руку, и наркоманка вцепилась в нее холодными пальцами, стараясь не упасть.

– Я кормила свиней, – дрожащим голосом начала она. – Вдруг оборачиваюсь – сзади стоит Осмунд. Помню, я еще спросила у него, где он был все утро, ведь мы вас обыскались.

Лика вопросительно посмотрела на Мартина замутненным взглядом, словно ожидая от него комментариев, но Аб-

салом ее поторопил:

– Что было дальше?

– Он на меня набросился, – всхлипнула Лика. – Повалил на землю, вцепился руками в шею, а потом...

Она замолчала и растерянно оглядела собравшихся.

– Дальше я не помню, – тихо обронила Лика. – Открываю глаза – и передо мной уже вы стоите.

Сжав губы, Абсалом остановил строгий взгляд на Мартине.

– У тебя есть, что добавить? – мрачно спросил он. – Где вас черти с утра носили с Осмундом?

Отпираться не было смысла: существо внутри Осмунда представляло смертельную опасность для всех обитателей «Юдоли», и чем быстрее Мартин обо всем расскажет, тем лучше. Он шумно выдохнул и начал свой рассказ. Вывалил все, как было – ничего не скрывая и не приукрашивая.

Несмотря на обилие фантастических элементов, Мартин старался, чтобы его история звучала правдоподобно, а потому во время рассказа, превозмогая себя, поочередно смотрел в глаза каждому из собеседников. Абсалом, Яна, Дэн и Лика внимательно его слушали, но вскоре интерес на их лицах сменился недоверием, а затем – отвращением, когда Мартин рассказал о том, как бросил Осмунда помирать у расщелины в котловине.

Мартин знал, какой эффект произведут его слова. Его будут считать ничтожеством и трусом, оставившим в беде че-

ловека, но ему было все равно: он проходил через ад самоуничтожения каждую ночь, когда к нему в кошмарах являлась Алина.

Закончив рассказ на том, как тварь, вывалившаяся изо рта Осмунда, высасывала у Арнольда кровь, Мартин потупил взор, ожидая вопросов или какой-нибудь реакции. Яна и Лика с ошеломленным видом переваривали информацию о страшной смерти Арнольда, а Абсалом с Дэном смотрели на Мартина со смесью недоверия и брезгливости. Его история оказалась настолько невероятной, что всем потребовалось время на ее осознание. Наконец, Абсалом нарушил тишину:

– Он правду говорит про «горечь»? – спросил он у Дэна. – Все это время вы втихаря ходили к котловине и употребляли какую-то дрянь?

Щеки Абсалома побелели, желваки вздулись, а на лбу запульсировала жилка – он был в ярости, но пытался себя сдерживать. Дэн словно сжался в размере в два раза и, стыдливо отведя взгляд, кивнул головой. Абсалом вновь посмотрел на Мартина:

– Я не знаю, что за дурь вы пробовали, но мозги она тебе знатно накренила.

– Вы мне не верите? – с вызовом бросил Мартин. – Наверное, и в убийстве Арнольда подозреваете?

– Это маловероятно. Учитывая, сколько крови он потерял, ты бы не смог его убить, не запачкавшись, – неожиданно

спокойно и рассудительно сказал Абсалом. – А верить тебе или нет – решать не мне, а полиции.

– Нам нужна помощь! – взвизгнула Лика, вскинув руки к лицу. – Осмунд нас убьет!

Наркоманку сотрясала мелкая дрожь, и Яна ее обняла.

– Не Осмунд, а та тварь, что в него вселилась, – мрачно поправил Дэн и, зыркнув на Мартина, тихо добавил: – Если, конечно, это правда.

В его взгляде читалось презрение вперемешку с разочарованием: Мартин выдал тайну «горечи» и косвенно стал причиной гибели Арнольда. Теперь он навсегда будет для Дэна предателем и сволочью. И пока Мартин подбирал слова, чтобы хоть как-нибудь оправдаться, его перебила Яна:

– Но как мы вызовем помощь? – она обратилась к Абсалому. – У вас есть телефон?

Старик отрицательно покачал головой:

– Отсутствие связи с внешним миром – одно из правил «Юдоли» и залог вашего полного исцеления.

Дэн не выдержал и фыркнул:

– Полного исцеления?! – возмутился он. – Неужели ты еще не понял, что мы выздоравливали благодаря «горечи», а не тебе, старый хрыч?! И теперь все пошло к чертям собачьим!

Кулаки Абсалома сжались, а лицо побагровело: вот-вот могла начаться драка. Мартин на всякий случай сделал шаг назад, чтобы не оказаться в эпицентре разборки. Но глава

общины сдержал себя: выдохнув сквозь сжатые губы, Абсалом смерил Дэна взглядом, полным разочарования, и спокойно проговорил:

– Вот, что мы сделаем. Мы вместе пойдем к берегу реки – там ждет лодка. Мы сядем в нее, доплывем до одного из поселков на противоположном берегу и вызовем оттуда подмогу.

– А как же Арнольд? – всхлипнула Лика. – Неужели мы его бросим здесь?

– Ему уже ничем не помочь. К тому же тело нельзя трогать, пока не приедет полиция, – пояснил Абсалом. – Идем спокойно и без суеты, оглядываемся по сторонам: если видите Осмунда – тут же даете знать. Все понятно?

План казался простым и разумным, и обитатели «Юдоли» согласно кивнули.

– Но вначале вы отведете меня к «горечи», – неожиданно добавил Абсалом, и в его голосе прозвенели такие ледяные нотки, что никто из его подопечных не осмелился возразить.

* * *

В дневном свете путь к котловине выглядел иначе, чем ночью. Косые лучи солнца пробивались сквозь листву, под ногами стелилась едва заметная тропа, и в кронах щебетали птицы.

Несмотря на царившую вокруг идиллию, Мартина не от-

пускала тревога: где-то поблизости бродил обезумевший Осмунд, внутри которого обитала неведомая тварь, жадная до крови, и от одной только мысли об этом к горлу подкатывала тошнота. Действие «горечи» подходило к концу: Мартин больше не чувствовал странную легкость, которая оберегала его от неприятных эмоций последние часы. С каждой минутой беспокойство и страх нарастали, готовые с головой захлестнуть Мартина. И чтобы отвлечься от дурных мыслей, он сосредоточился на дороге.

Дэн шел впереди, уверенно маневрируя среди стволов, помеченных крестами. За ним, то и дело озираясь по сторонам, топали Яна с Ликой; Абсалом замыкал шествие. В руке он держал канистру с бензином. «Чтобы заправить мотор», – как пояснил старик. Мартин слышал его прерывистое дыхание за спиной, но не решался обернуться.

Вскоре лес окончился, и перед путниками распахнулась котловина. Пение птиц исчезло, и стих легкий ветер: казалось, впадина втягивала в себя не только звуки, но и малейшее движение воздуха. При дневном свете Мартин заметил одну деталь, на которую не обратил внимания во время ночных вылазок: верхушки подпиравших котловину сосен чернели обугленными стволами, словно обожженные катастрофическим огнем с небес.

– Веди к расщелине, – скомандовал Абсалом, обращаясь к Дэну.

Дэн послушно повел группу к центру котловины, где тем-

нел узкий провал. Запах гари в этом месте ощущался сильнее. Мартина передернуло, когда он увидел на земле свой фонарик, которым ночью ударил по голове Осмунда. Абсалом неодобрительно покосился на Мартина и, подняв фонарик, осветил им в расщелину.

– Ничего там не видно, – сказал Дэн. – Мы несколько раз пробовали рассмотреть, что находится внутри, но видели только черноту.

Абсалом распрямылся и, щурясь от яркого солнца, посмотрел на подопечных.

– Когда я впервые приехал в эти леса, хутор еще не был заброшенным, – начал он. – Местные рассказывали об этом месте. Они называли его Чертовым Котлом и понятия не имели, откуда он взялся. Говорили, что низина всегда оставалась безжизненной, но никто не знал, по какой причине. Местные опасались ее, обходили стороной. Я ни разу здесь не был, потому что принимал их слова за обыкновенные байки.

– Они что-нибудь рассказывали про черную слизь в расщелине? – спросила Яна.

– Нет. Не думаю, что они вообще о ней знали. И тем более навряд ли пробовали слизь на вкус. – Абсалом с досадой взглянул на Дэна. – Только наркоманы могли додуматься до такого.

Старик отвинтил крышку у канистры и, наклонив ее возле расщелины, вылил бензин внутрь бездонного провала.

– Что вы делаете? – прохрипела Лика.

Лицо наркоманки потемнело и скривилось, превратившись в жуткую гримасу. Мартин удивился странным метаморфозам с внешностью Лики, но по-настоящему он испугался, когда почувствовал легкий запах гари, исходивший изо рта девушки.

– Провожу детоксикацию, – ответил Абсалом.

Он достал из-за пояса тонкий оранжевый цилиндр – фальшфейер, который всегда брал в лес на случай встречи с дикими животными. Абсалом дернул за шнур, и из цилиндра вырвалось яркое красное пламя. Он кинул фальшфейер в расщелину, пропитанную бензином, и недра земли полыхнули огнем.

Лицо опалила волна жара. Мартину на секунду показалось, что из впадины донесся тонкий визг, полный боли и ужаса, будто нечто живое сгорало заживо в беспощадном огне.

Лика с диким воплем набросилась на Абсалома. Остервенело рыча и брызгая слюной, она повалила его на землю. Старик, казалось, опешил от неожиданного нападения: выпучив глаза и раскрыв изумленно рот, он распластался на земле под запрыгнувшей на него девушкой, словно не мог поверить, откуда взялось столько сил в тщедушном теле наркоманки. По-звериному изогнув спину, Лика широко распахнула рот со стекавшей оттуда слюной и вплотную приблизилась к лицу старика.

Мелькнуло черным: изо рта Лики выскользнула упругая блестящая кишка, покрытая слизью, и молниеносно вонзилась в шею Абсалому. Чвакнуло влажным, брызнуло красным – и вот уже тварь, сжимаясь в спазмах, ненасытно тянула кровь из раны.

Абсалом сипло хрипел, бился в судорогах и водил руками по черной земле, не в силах скинуть с себя Лику – казалось странным, что мощный мужик не может совладать с тощей девчонкой.

– Бежим! – раздалось откуда-то сверху, и Мартин обернулся.

Яна отчаянно махала ему рукой, стоя на краю котловины; рядом с ней с ошарашенным видом застыл Дэн, готовый вот-вот сорваться с места. Мартин даже не заметил, когда они успели удрать от расщелины. Он обернулся к Абсалому в то самое мгновение, когда тварь изо рта Лики закончила трапезу: с влажным чмоканьем отлепившись от раны на шее, существо изогнулось в сторону Мартина. У него не было глаз – лишь только круглый черный рот, ощеренный множеством прозрачных зубчиков, напоминавших рыбы. Но Мартин мог поклясться, что тварь каким-то невероятным образом смотрела прямо на него, словно хищник, учувший следующую жертву. Лица стояла на четвереньках над распластанным Абсаломом, и ее замутненный взор и маска безразличия на лице говорили об одном: она не отдавала ни малейшего отчета своим действиям и полностью подчинялась воле чудовищ-

ного существа.

– Беги, кретин! – завопил с пригорка Дэн.

И Мартин побежал. Спустя мгновение он уже карабкался по склону, выбираясь из котловины. Яна и Дэн, в нетерпении переминаясь на месте, поторапливали его отчаянными криками:

– Быстрее! Она уже рядом!

Мартин кинул взгляд через плечо: сзади, оскалив перекошенную от ярости морду, за ним гналась Лица. Чья-то ладонь схватила Мартина за руку и резко потащила из котловины, помогая ему побыстрее выбраться наверх.

– Бежим! – выдохнул над ухом Дэн.

Они сорвались с места – и помчали в лес, оставляя за спинами мертвого Абсалом и Лику, одержимую ненасытной тварью.

* * *

Первой сдалась Яна: она остановилась и согнулась, упершись руками в колени. Шумно втягивая воздух, девушка пыталась успокоить сбитое дыхание. Мартин и Дэн, заметив это, прекратили бег и подошли к Яне.

– Я больше не могу, – выдохнула она. – Сердце останавливается.

Мартин поглядел сквозь частокол деревьев, высматривая Лику. Но кроме стволов, листвы и кустов ничего не было

видно.

– Кажется, мы оторвались, – прошептал он. – Мы так неслись по лесу, что навряд ли бы она нас догнала.

– Уверен? – скривился Дэн. – Ты видел, как она завалила Абсалома? А он даже не сопротивлялся!

– На теле Арнольда были множественные раны, – вспомнил Мартин. – словно он тоже полностью сдался перед Осмундом.

Яна выпрямилась и, убрав со лба растрепанные волосы, тихо сказала:

– Возможно, эта тварь впрыскивает в кровь вещество, которое подавляет волю жертвы.

– Ты хоть поняла, что это было? – Дэн пристально посмотрел на Яну, словно ожидая от нее подробного ответа.

– Откуда мне знать? – удивилась девушка.

– Ты же училась на биофаке! – возмутился Дэн.

Яна на мгновение призадумалась, будто вспоминая всех пресмыкающихся, земноводных, червей и прочих гадов, о которых читала за недолгое время учебы в универе.

– Больше всего оно напоминает червягу, – неуверенно ответила она.

– Червягу? – удивился Мартин. – Никогда о ней не слышал.

– Это земноводное, но по своему виду оно напоминает гигантского дождевого червя. Живет в почве, – пояснила Яна. – Но я никогда не слышала, чтобы червяги нападали на

людей или выделяли наркотический секрет.

Дэн закусил губу и настороженно огляделся, высматривая опасность среди деревьев.

– Червяга или нет, но эта тварь вселилась в Осмунда и Лику, – проговорил он. – Теперь они шастают где-то рядом и хотят нас прикончить!

– Наверное, Осмунд заразил Лику, когда напал на нее в свинарнике, – предположила Яна.

– Но почему одних людей эта тварь заражает, а из других высасывать кровь? – удивился Мартин.

В ответ ему раздался сухой треск веток и шорох травы. Мартин, Дэн и Яна замерли, прислушиваясь к источнику звуку. Вокруг вздымались бесчисленные сосны, и казалось, что опасность могла таиться за любой из них. Солнце опускалось к верхушкам деревьев. Мартин удивился, как быстро закончился день: еще немного – и на лес опустятся сумерки.

Шуршание повторилось – оно доносилось справа. Обернувшись на звук, Мартин заметил человека, который полз на корточках среди сосен.

– Помогите, – прохрипел он и повалился на землю.

Это был Осмунд. Мартин, Яна и Дэн замерли в нерешительности, опасаясь подойти к надзирателю. Он лежал на сухом валежнике, раскинув руки, и тяжело дышал, не в силах пошевелиться.

– Оно покинуло меня, – прошептал Осмунд. – Помогите. Дэн медленно, будто ожидая нападения в любой момент,

подошел к надзирателю. Мартин и Яна переглянулись, с опаской последовав за ним. Остановившись в трех шагах от Осмунда, они оглядели его: джинсы и рубашка потемнели от крови, лицо словно сморщилось, а рот пузырился черной пеной вперемешку со слизью. Глаза, до этого жестокие и пронзительные, теперь растерянно блуждали по лицам Мартина, Яны и Дэна – и молили о помощи. Но никто из них не решался подойти ближе. Наконец, взор Осмунда замер на Мартине, сфокусировался и потемнел от злости.

– Ты оставил меня в котловине, ублюдок, – просипел надзиратель, и его губы окрасились черной слизью. – Бросил меня на растерзание этой твари!

Осмунд закашлялся, разбрызгивая сгустки перхоты, и наркоманы брезгливо отпрянули.

– Прости, – выдавил Мартин, отведя взгляд.

– Что ты сделал с Ликой? – вырвалось у Яны. – Ты заразил ее?!

Судорога свела перекошенное от боли лицо Осмунда, и он застонал. Восковой лоб заблестел от испарины, кончик носа посинел, глаза помутнели: надзиратель находился на грани жизни и смерти.

– Оно управляло мною, – прошептал он, и с каждым словом голос его становился все тише. – Оставило меня и перешло в Лику. Оно *искало*.

– Что искало? – Дэн приблизился к Осмунду, чтобы не упустить ни единого слова. – Что ему надо?

Осмунд не ответил: его взгляд остекленел, набрякшие веки сомкнулись, и почерневший от слизи рот с хрипом втянул воздух в последний раз.

* * *

Ночь обрушилась быстро и неумолимо: казалось, еще недавно они стояли возле трупа Осмунда, как вдруг отгорели всполохи заката, и сумрак, подсвеченный светом ржавой луны, пропитал пустоту между деревьев.

Они решили оставить Осмунда там же, где он умер, и не стали его хоронить. Несмотря на его предсмертное признание, что существо из расщелины переселилось в Лику, страх подцепить неведомую заразу был настолько велик, что они не осмелились даже прикоснуться к телу надзирателя, чтобы проверить пульс.

Мартин, Яна и Дэн оказались в глухих дебрях и понятия не имели, как выбраться к берегу с лодкой. Блуждать в потемках по зарослям, где за любым деревом могла скрываться Лика, одержимая тварью, казалось безумством, поэтому после недолгих споров они решили заночевать на одной из полян, а уже утром с первыми лучами солнца двинуться на поиски реки.

– Я думала о словах Осмунда, пока вы разводили огонь, – тихо сказала Яна.

Они устроились возле костра: Дэн, свернувшись комоч-

ком на земле, дремал в ожидании своего дежурства; Яна сидела рядом с Мартином, прижавшись к нему, и огненные блики плясали на ее бледном лице. Ухала сова, и трещали цикады, наполняя ночь муторным ожиданием чего-то страшного и неминуемого.

– О каких словах? – спросил Мартин. Он вызвался дежурить первым, и теперь с тревогой вглядывался в сгустившуюся за костром тьму, где оживали неясные тени, одной из которых могла оказаться Лика.

– О том, что ищет эта тварь, – ответила Яна. Ей предстояло дежурить после Мартина, но, не в силах заснуть, она составила ему компанию возле костра.

– Может, ей просто жрать охота.

– Почему же тогда она не напала на нас раньше, когда мы ходили к расщелине?

Мартин пожал плечами, не зная, что ответить. Он ощущал тепло, исходившее от Яны. Чуть поколебавшись, он приобнял ее за плечи. Девушка не отпрянула, и сердце Мартина забилось в груди как птица о клетку: впервые за долгое время после смерти Алины кто-то по-настоящему был ему дорог.

– Я думаю, оно пробует людей на вкус, – после паузы прошептала Яна, опуская голову на грудь Мартина. – Ты рассказал, как кровь Осмунда после драки с тобой попала в расщелину. Что, если она понравилась существу? Вштырила его.

– Типа как наркотик? – ухмыльнулся Мартин. – А существо, значит, ищет новую дозу? Теперь я понимаю, почему

тебя отчислили с биофака.

Отстранившись, Яна с улыбкой толкнула его в бок.

– Спи давай, умник, – фыркнула она. – Моя очередь де-
журить.

– Все равно не усну, – помрачнел Мартин. – Не смогу.

Яна внимательно на него посмотрела: всполохи костра
плясали в ее черных, как ночь, глазах.

– Почему ты решил завязать? – вдруг спросила она. – Ты
не рассказал об этом на собрании.

В голове у Мартина вспыхнул образ Алины – распухшее
лицо, налитые кровью глаза, перетянутая веревкой шея. Сек-
рет, который он так долго хранил, теперь не имел никакого
смысла: эта ночь могла стать последней в его жизни.

– У меня была девушка, – тихо начал Мартин. – Ее звали
Алиной. Как и я, она сидела на «смеси». Но если я превра-
тился в параноика, то Алине не давали покоя мысли о само-
убийстве. Много раз она заводила разговоры о смерти как о
единственном способе оборвать нашу зависимость.

– Но ты не обращал внимания на ее слова?

Мартин кивнул. Горло стянуло узлом, в груди ныло и
жгло, и в голове таял предсмертный лик Алины.

– Однажды я пришел к ней домой. – Слова давались с тру-
дом. – Мы накурились. Я забился в угол, кайфовал – или ду-
мал, что кайфовал. Алина подставила табуретку под люстру,
скрутила петлю на веревке...

Он запнулся. Губы затряслись, глаза заслезились. Марти-

на била крупная дрожь. Яна взяла его за руку, и он тут же безвольно обмяк, будто его тело вырвали из ледяных тисков, что не давали дышать полной грудью все эти годы.

– Она повесилась на моих глазах, а я просто лежал в углу и наблюдал, – выпалил Мартин. – И не остановил ее.

Он посмотрел со страхом на Яну, ожидая увидеть в ее взгляде осуждение и отвращение. Она была первым человеком, которому Мартин рассказал правду: родственникам и полиции он сообщил, что находился в отключке, когда повесилась Алина. Но к его облегчению лицо Яны, освещенное огненными всполохами, выражало понимание и сочувствие. Она обняла Мартина и опустила его голову к себе на колени.

– Тебе надо поспать, – проговорила она, поглаживая его по волосам. – Скоро рассвет.

– Я малодушная тварь, Яна, – промямлил он, проваливаясь в вязкую дрему, наполненную вкусом соленых слез на губах и образом мертвой Алины, навсегда отравившим его существование.

* * *

Что-то холодное и мокрое упало на лицо. Мартин разлепил веки. Сонно моргая, он сфокусировал взгляд.

Ночной мрак сменился серой мглой раннего утра. Костер потух, от углей поднимался сизый дымок. Невесомый туман укутывал прогалину, на которой они устроили привал. Воз-

дух, напитанный влагой, оседал на листве и скатывался с нее крупными каплями росы – она и разбудила Мартина.

Тело задубело, мышцы и кости ломило после сна на стылой земле, зубы выстукивали мелкую дробь. Мартин осмотрелся: рядом, свернувшись в позе эмбриона, лежала Яна. Она сдала ночное дежурство Дэну и теперь забылась в беспокойном сне: под глазами темнели круги, между бровей пролегла складка, бледные губы сжались в тонкую нить. Место, где расположился на ночь Дэн, пустовало, и в груди кольнуло тревогой: куда он исчез?

Зашуршали заросли, и из кустов появилась темная пошатывающаяся фигура. Мартин испуганно подскочил, ожидая увидеть перед собой Лику, но человек подошел ближе, и в серой мгле Мартин с облегчением узнал Дэна.

– Где ты был? – выдохнул Мартин, надеясь, что приятель не заметит дрожь в его голосе и трясущиеся от страха руки.

– Поссать ходил. – Дэн сплюнул и с кривой ухмылкой покосился на Мартина, а затем на Яну. – Собирайтесь, голубки. Пора идти.

Яна, разбуженная голосами, поднялась с земли и сонно уставилась на парней. Мартин улыбнулся девушке. Поймав его взгляд, она просияла в ответ.

– Я нашел путь к реке. – Дэн махнул в сторону леса. – Вспомнил эти места. Мы с Абсаломом ходили сюда собирать ягоды. Там, за оврагом с поваленной сосной, есть тропинка, которая ведет к берегу.

– Не надо было ходить без нас... – начал Мартин, но Дэн его оборвал:

– Ты поменьше болтай и побыстрее собирайся.

* * *

Они выбрались к реке, когда солнце поднялось над деревьями. Заросли расступились, и перед ними открылась узкая песчаная полоса, за которой темнели тяжелые воды реки. Моторная лодка Абсалом, вытянутая на берег, тускло поблескивала алюминиевыми бортами.

– Черт, бензина нет! – ругнулся Дэн, проверив топливный бак.

Новость не удивила Мартина: не зря же Абсалом прихватил с собой канистру с топливом, когда они спешно покидали «Юдоль». Вот только весь бензин он вылил в расщелину... Но Мартин кое-что вспомнил:

– Когда Абсалом привез меня на лодке, он спрятал в схроне канистры с бензином!

– Ты помнишь, где он? – спросил Дэн и, когда Мартин кивнул, рявкнул: – Тащи их сюда, а мы пока спустим лодку на воду.

Мартин взобрался на пригорок, на ходу вспоминая дорогу, которой вел его Абсалом несколько недель назад. Тропинка, заросшая травой, виляла под ногами и вскоре вывела Мартина к небольшой роще. Взгляд напоролся на дощатый

настил, присыпанный валежником и травой. Крышка схрона показалась Мартину немного сдвинутой в сторону, но не было времени присматриваться. Схватившись за край доски, он потянул настил на себя – и тут же отпрянул в сторону.

В яме на канистрах с бензином лежала Лика. Сцепив руки на груди и подтянув ноги к животу, она тихо стонала. Дневной свет, упав наркоманке на лицо, заставил ее приподнять голову. Подслеповато сощурившись, Лика повернулась к Мартину, и он заметил черную слизь, которой были испачканы ее губы и подбородок. Волосы девушки спутались, почернели от грязи; лицо болезненно осунулось и потемнело. Лика что-то прохрипела, черная слизь запузырилась во рту, и Мартин скривился от ужаса и отвращения.

– Дэн... – с трудом, словно каждое слово вызывало у нее боль, прошептала наркоманка.

Лика могла не продолжать, Мартин все понял: выдавленное ею слово означало, что тварь перебралась из тела Лики в Дэна. Скорее всего, произошло это во время его ночного дежурства, но какая теперь разница: Дэн остался наедине с Яной, которая понятия не имела, какая опасность ей угрожает!

Мартин бросил последний взгляд на Лику. Как и Осмунд до нее, наркоманка умирала, ей оставались считанные минуты, и Мартин ничем не мог ей помочь. Он развернулся и ринулся обратно к реке.

Скатившись с пригорка, Мартин не сразу понял, что про-

исходило на берегу. Повернувшись к нему спиной, Дэн стоял на четвереньках в лодке; его тело выгибалось от спазмов, словно парня рвало. Яну не было видно. Мартина обдало холодом, ноги обмякли: он знал, что будет дальше. Сделав шаг другой к лодке, он застыл в ужасе, когда перед ним открылась полная картина.

Изо рта Дэна осклизлой черной кишкой свисала тварь из расщелины. Изгибаясь и пульсируя, она присосалась к ямке между ключиц на шее Яны. Бледная и безжизненная, девушка лежала на дне лодке под раскоряченным над нею Дэном, в то время как тварь мощными глотками тянула из нее кровь.

– Н-нет... – вырвалось у Мартина.

В нем боролось два желания: броситься на помощь Яне – или бежать прочь, подальше от кошмарной твари, уничтожившей обитателей общины одного за другим.

Мартин выбрал второе: он попятился назад. Словно почувяв его взгляд, Дэн обернулся. Тварь с жирным чваком отлепилась от шеи Яны и изогнулась в ту же сторону, куда смотрел Дэн.

Сердце бешено таранило ребра. Застыв на месте, Мартин с ужасом наблюдал, как Дэн, не сводя с него остекленевших глаз, выбирался из лодки. Тварь свисала у него изо рта, хищно вытянув голову с частоколом мелких зубов. Мартин сделал шаг назад, но зацепился за корягу и неуклюже шмякнулся на песок.

Он и моргнуть не успел, как к нему подлетел Дэн и, пова-

лив его на спину, припечатал распластанные руки к земле, не давая возможности пошевелиться. Мартин хотел брыкнуть Дэна ногами, но не смог: тварь сжалась пружиной, а затем стремительным броском втолкнулась в распахнутый от испуга рот Мартина.

Упругая склизкая кишка заскользила по языку и нёбу, ввинтилась в глотку и пищевод, оставляя во рту вкус горчицы. В глазах миг потемнело, словно их вырвали с мясом, и Мартин исчез в черной пучине забвения.

* * *

Мартин очнулся. Немного гудело в ушах, и горло саднило горький привкус, будто он наглотался дыма от костра. Казалось, что ничего не изменилось: у него все так же были две руки, две ноги и голова на плечах, и всеми конечностями он мог без труда шевелить. Но Мартин знал, что внутри него обитало *нечто новое* – жадное до свежих чувств и эмоций, растворенных в крови будто самый желанный наркотик.

Существо, поселившееся внутри Мартина, искало удовольствие: оно перепробовало несколько вкусов, выбирая тот, что понравится больше всего. И наконец-то остановилось: кровь Мартина имела особую *сладость*. Его малодушие приводило существо в полный восторг, наполняло радостью, силой и желанием искать дальше.

Мартин поднялся и осмотрелся. Дэн с испачканным чер-

ной слизью ртом валялся в зарослях камыша и тихо постанывал: отработанный продукт, он сдохнет через несколько часов, как сдохли до него Осмунд и Лика.

Яна лежала на дне лодке – с застывшим взором и уродливой раной на шее, распутившейся кровавым цветком. В ее крови было слишком много сочувствия, и его вкус не понравился существу.

Мартин подошел к кромке воды и уставился вдаль. Там, на другом берегу реки, обитали люди. Много людей. Их переполняли эмоции и чувства: они радовались, грустили, наслаждались, тосковали, ликовали, сердились...

Существо внутри содрогнулось в предвкушении.